

ИЗ ИСТОРИИ РУСИСТИКИ

Петкова Г. Т.

ORCID ID: 0000-0003-1002-5183

София, Болгария

E-mail: petkova@slav.uni-sofia.bg

УДК 378.016.811.161.1

ОБРАЗЦЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ, ИЗДАНЫЕ В СОФИИ (1943)

Аннотация. Статья посвящена учебной книге «Образцы русской литературной речи», опубликованной Софийским университетом в 1943 г. и составленной профессорами Михаилом Попруженко и Стояном Романским. В работе книга рассматривается как «место памяти» (П. Нора) в его материальном, функциональном и символическом смысловых аспектах. Книга предназначалась для нужд процесса преподавания – изучения русского языка, который был одним из двух обязательных для усвоения славянских языков в специальности славянская филология. Для этой цели были отобраны образцы из произведений 48 русских писателей и поэтов XVIII, XIX и XX вв., которые сопровождались краткими биографическими сведениями о каждом из авторов. В книге опубликованы отрывки из советской и эмигрантской литературы XX в., без их противопоставления. Составители учитывают и болгарский исторический контекст, включая тексты, связанные с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Содержание книги показывает, что в сложном времени ее создания Софийский университет смог сохранить автономность своего академического поля.

Ключевые слова: место памяти; русский литературный язык; русская литература; славянская филология; русский язык как иностранный; методика преподавания русского языка; учебная литература; учебные книги; русская речь

Petkova G. T.

ORCID ID: 0000-0003-1002-5183

Sofia, Bulgaria

E-mail: petkova@slav.uni-sofia.bg

EXAMPLES OF RUSSIAN LITERARY SPEECH, PUBLISHED IN SOFIA (1943)

Abstract. The article presents the textbook “Examples of Russian Literary Speech”, published by Sofia University in 1943 and compiled by Professors M. Popruzhenko and St. Romanski. The book is seen as a “place of memory” (P. Nora) in its material, functional and symbolic semantic aspect. Its purpose is to support the process of Russian language learning in the university subject Slavic philology. For this purpose, examples of works of 48 writers and poets from 18th, 19th and 20th centuries were selected,

accompanied by brief biographical information about each of the authors. The publication includes excerpts from Soviet and Russian émigré literature of 20th century. It also takes into account the Bulgarian historical context by comprising texts related to the Russo-Turkish War of 1877–1878. The content of the book shows that in the difficult time of its publication Sofia University managed to preserve the autonomy of its academic field.

Keywords: place of memory Russian literary language; Russian literature; Slavic philology; Russian as a foreign language; methods of teaching the Russian language; educational literature; educational books; Russian speech

К 140-летию со дня рождения
проф. Стояна Романского (1882–1959)

В 1943 г. в Софийском университете была подготовлена и вышла из печати учебная книга «Руска книжовна реч в образци» («Образцы русской литературной речи»)¹. Изданный в разгар Второй мировой войны для нужд специальности славянская филология, этот увесистый более чем 600-страничный том, вобравший в себя отрывки из русскоязычных произведений от Ломоносова до Бунина и Шолохова и краткие биографические сведения

---

¹ Попруженко М., Романски Ст. Руска книжовна реч в образци. София: Университетска печатница, 1943.

об их авторах¹, очень скоро – в атмосфере после коммунистического переворота в 1944 г. – оказался забытым. Неизвестный или неуместный для поколений болгарских филологов, он не упоминался даже в библиографических списках к учебникам или исследованиям. Возможно ли его открыть заново 80 лет спустя, и этим как-то сохранить непрерывность и идентичность не только национальной академической традиции? Настоящая работа, представляет собой попытку представить «Образцы русской литературной речи» как конкретное «место памяти» (П. Нора), в значении которого соединяются «одновременно, но в разной степени» три смысловых аспекта: материальный, символический и функциональный [Нора 2004: 59]. Ее пафос и подход опираются на идеи французского историка Пьера Нора, разработанные им в проекте «Места памяти»², интеллектуальном начинании с особым методологическим вкладом в область гуманитарных и социальных наук.

Специальность Славянская филология на Историко-филологическом факультете – одна из первых и старейшая филологическая специальность Софийского университета. Ее возникновение можно отсчитывать с года создания высшего учебного заведения в 1888 г. В относительно гомогенном виде она существовала до начала учебного 1947–1948 года, когда в расписаниях университета под ее названием появились два новых отделения: болгарский язык и литература и русский язык и литература³.

Студенты, изучающие славянскую филологию, получали солидное гуманитарное образование. Обязательной теоретической дисциплиной для них была сравнительная грамматика славянских языков, в рамках которой они усваивали грамматические особенности различных групп славянских языков. В ходе своей подготовки они были обязаны выучить русский, а с 1938-го г. и еще один из западнославянских языков – чешский или польский – в той степени, чтобы могли свободно пользоваться ими.

Занятия в университете, в том числе и на Историко-филологическом факультете, не прекращались и во время Второй мировой войны. Именно в ее тревожные годы с логотипом Университетской типографии в серии «Университетская библиотека», в которой печатались учебники, вышли одна за другой три книги со сходными названиями: «Образцы польской литературной речи» [«Полска книжовна реч в образци»] (1941), «Образцы чешской литературной речи» [«Ческа книжовна реч в образци»] (1942) и упомянутые уже «Образцы русской литературной речи» (1943). Книги

---

¹ Полное содержание книги дается в приложении к статье.

² См.: Нора Пьер (под руководством на). Места на памет. Том I. От Републиката до Нацията. София: Дом на науките за човека и обществото, 2004; Том II. От архива до емблемата. София: Дом на науките за човека и обществото, 2005.

³ Решение о создании русского отделения на базе старой специальности было принято 25 апреля 1945 г. Академическим советом университета. Подробнее о реформировании специальности славянская филология в новых исторических обстоятельствах см.: Петкова 2017: 50-52.

имели одинаково оформленные обложки, идентичные названия и структуру и должны были способствовать процессу преподавания – изучения трех славянских языков – польского, чешского и русского.

Эти издания были реализованы авторитетным болгарским языковедом и этнографом-славистом, академиком Стояном Романским¹. Можно допустить, что они задумывались как некая последовательность с самого начала. Трудно, однако, предположить, почему книги выходили именно в таком порядке и через год: предисловие книги с польскими образцами датировано «августом 1941 г.», книги с чешскими – «Петровым днем [т. е. 12 июля] 1942 г.», а предисловие к русским образцам не имеет датировки. Вероятно, приходилось считаться с какими-то внешними обстоятельствами, а в случае с русской книгой, помимо прочих, было и дополнительное – она издана в соавторстве, что вполне могло повлиять на сроки подготовки и объем издания.

В предисловиях проф. Романский мотивировал необходимость издания книг исключительно нуждами учебного процесса в университете. Студентам славянской филологии предъявлялись требования, как уже было отмечено, хорошо овладеть русским и одним из западнославянских языков (польским или чешским). В своем обучении они легко усваивали грамматические особенности этих языков, но не всегда могли свободно их использовать. Трудности в изучении западнославянских языков составляли различный лексический массив, графика и произношение слов. Поэтому студенты нуждались в «более продолжительных упражнениях по чтению и переводу²» [Романски 1941: III]. Вполне возможно, что польская и чешская книги вышли первыми, так как эксплицировали сложность учебной ситуации. Когда речь идет о русском языке, то акцент ставится не на трудностях, а на его статусе «языка с мировым значением» [Попруженко, Романски 1943: IV] и на его функции посредника с западноевропейской культурой и

---

¹ Профессор Стоян Романский (1882–1959) закончил Историко-филологический факультет Софийского университета по специальности славянская филология (1905). Доктор Лейпцигского университета (1907). Заведовал кафедрой славянского языковедения (1934–1947), кафедрой болгарской и славянской этнографии (1922–1947), директор Славянского института при Софийском университете (1934–1947), декан Историко-филологического факультета (1929–1930), член Болгарской академии наук (с 1929 г.). В Софийском университете читал лекционные курсы по общей и исторической славянской этнографии, славянской мифологии, сравнительной грамматике славянских языков, древнеболгарской грамматике (фонетика, морфология, словообразование), славянскому языкознанию, древнеболгарскому и церковнославянскому языкам. Ему принадлежит идея создания Лингвистического кружка в Софии, который должен был поддерживать регулярные связи с Пражским лингвистическим кружком. Состоял в переписке с Р. Якобсоном, в которой обсуждалась тематика лекций русского ученого («основные принципы фонологии, структуральной лингвистики вообще и поэтики») во время его пребывания в Софийском университете в 1937 г. Подробнее об этом см.: Петкова 2018.

² Здесь и далее все цитаты из книг с образцами польской, чешской и русской литературы даются в моем переводе с болгарского на русский язык – Г. П.

образованностью. Знание русского языка было необходимо также и для изучения русской литературы, которая является «одной из самых значительных славянских литератур» [Попруженко, Романски 1943: IV].

Обеспечение учебного процесса соединяется с современным ему историческим контекстом, который автор предисловий стремится не вербализовать. Так появляется парафраза кризисного времени: «до сих пор» (конструкция встречается в польском и чешском предисловиях) для упражнений обычно использовались отдельные издания общедоступных польских и чешских библиотек, которые публиковали произведения известных писателей и поэтов. «Сегодня», однако, это оказывается «невозможно» [Романски 1941: III]¹, так как эти издания оказались недоступными. Поэтому, чтобы соответствовать высоким требованиям, предъявляемым студентам славянской филологии, «возникла неотлагательная необходимость» [Романски 1941: III] собрать и издать образцы, которые раскрывают каждый литературный язык на основании произведений его лучших писателей и представляют собой достаточно богатый и разнообразный материал для его изучения. Видим, что издание книг с образцами литературных языков – избранных стихотворений и отрывков прозы – С. Романский подкрепил исключительно автономными аргументами, что способствовало осуществлению его замысла.

Преподавание славянских языков опиралось на работу с литературными текстами. В польской и чешской книгах избранные тексты свидетельствовали о «богатстве» [Романски 1941: IV] соответствующего литературного языка, т. е. в первую очередь ставились прагматические цели – литература должна служить преподаванию – изучению соответствующего чужого языка. В логике автора предисловий становление литературного языка подчиняет собственно литературное развитие, литературный язык воспринимается как «орудие большой литературы» [Романски 1941: IV], а литературное произведение «отражает состояние» [Романски 1942: IV] литературного языка на каком-то этапе его развития. И именно сквозь эту призму можно будет проследить за определенными направлениями в литературе и их сменой. При помощи избранных текстов студенты должны были также получить и лучшее знание о славянских народах – составить себе представление об их «жизни в прошлом и современности, об их душевном облике, духовной и материальной культуре» [Романски 1941: IV].

---

¹ В чешском предисловии, тому, что было «до сих пор», противопоставляются «новые требования» (кроме русского усвоить одним из западнославянских языков – чешским или польским), предъявляемые студентам славянской филологии, для исполнения которых пользоваться отдельными изданиями общедоступных библиотек «недостаточно и нецелесообразно» [Романски 1942: IV].

Единая концепция книг определила их одинаковую структуру. Каждая учебная книга включает предисловие, в котором говорится о целях издания в контексте процесса обучения в тогдашней актуальной ситуации.

В предисловиях довольно конспективно прослеживается становление соответствующего литературного языка на основании общего корня – кирилло-мефодиевской традиции и древнеболгарского языка, сформулированы составительские принципы отбора конкретных текстов и хронологические рамки, а также дается краткая информация о том, к каким двуязычным словарям можно прибегать, чтобы облегчить понимание образцов. Далее следуют писательские гнезда, расположенные друг за другом скорее хронологически, без какой-либо рубрикации или разделов. Каждое гнездо состоит из краткой биографической и библиографической справки об авторе, после чего напечатаны тексты – прозаические или поэтические. В большинстве случаев это отрывки из произведений, которые разбиваются на параграфы, состоящие из 5-ти рядов (в поэзии – из 5-ти строчек), каждый из которых пронумерован. Подобная разбивка текста на цифровые абзацы должна, вероятно, облегчить процесс преподавания. Заглавия произведений в библиографической справке, которая написана всегда на болгарском языке, напечатаны на языке оригинала. Отдельно публикуется определенное количество портретов писателей, а в конце книги – указатель имен и развернутое содержание.

В книге с образцами из польского литературного языка составитель выбрал преимущественно тексты польских писателей XIX в. – с эпохи романтизма, когда «польский язык в творчестве лучших своих мастеров стиха проявил необыкновенную выразительность, гибкость и глубину, через эпоху позитивизма, когда польские повествователи использовали его для создания больших романов, преимущественно исторических, и до эпохи неоромантиков, писателей т.н. группы “Молодой Польши”» [Романски 1941: IV]. Время XVI, XVII, XVIII вв. представлено одним автором для каждого века, а из современной «эпохи свободной Польши» напечатаны образцы творчества «семи наилучших писателей – трех поэтов и четырех повествователей» [Романски 1941: IV]. В итоге в польской книге опубликованы отрывки из текстов 33 авторов и 12 портретов писателей.

В книге с образцами из чешского литературного языка составитель выбрал «отрывки стихов и прозы из сочинений лучших чешских писателей XIX и первых лет XX века, в которых чешский литературный язык проявляет себя во всем своем богатстве и выразительности» [Романски 1942: IV]. Ранний период представлен отдельными примерами XIV, XV и XVII вв., присутствуют также и современные писатели, «произведения которых отражают состояние чешского литературного языка в период свободной республики» [Романски 1942: IV]. В итоге в чешской книге опубликованы отрывки из текстов 56 авторов и 8 портретов писателей.

В обоих предисловиях С. Романский подчеркивает исторические и культурные связи между болгарами, поляками и чехами, начиная с миссии святых братьев Кирилла и Мефодия в Моравии, и приводит примеры существенных культурных и образовательных контактов между этими славянскими народами. Таким образом имплицитно указывается возможный уровень рецепции и межкультурного диалога, который впоследствии (или в аудитории) может развернуться в самостоятельный (исследовательский) нарратив.

Обе книги выражали, очевидно, составительскую концепцию и преподавательскую точку зрения проф. Романского. Вышедшие после них – в 1943 г. – «Образцы русской литературной речи» созданы в соавторстве, более того, на обложке имя соавтора – М. Г. Попруженко – вынесено в начальную позицию, предшествующую имени самого Романского.

Академическая родословная Михаила Георгиевича Попруженко связана с Одесским университетом, где, готовясь к профессорскому званию, он писал свою докторскую диссертацию «Синодик царя Борила» (1899) под руководством болгарского профессора Марина Дринова. Во время работы над диссертацией он посещал Болгарию трижды. Именно многочисленные исследования в области болгаристики делают его известным и ценным в болгарских научных и академических кругах.

В 1920 г. М. Г. Попруженко эмигрировал в Болгарию и был одним из первых русских ученых-эмигрантов, которые получили назначение в Софийском университете: 27 марта 1920 г. он был избран Академическим советом лектором, который в должности ординарного профессора-иностранца должен был преподавать «историю России и историю русской литературы¹». Так, М. Попруженко почти 24 года – до конца своих дней 30 марта 1944 г., когда скончался от сердечного приступа, читал с университетской кафедры курсы по русской литературе.

Следует отметить, что ко времени избрания М. Попруженко лектором в Софийском университете в специальности славянская филология существовала давняя традиция литературоведческих дисциплин. В 1913 г. молодой тогда профессор по истории славянских литератур, теоретик и критик Боян Пенев² предложил первые самостоятельные систематические курсы по истории русской литературы. Изучая романтизм в славянских литературах, Б. Пенев периодически до своей безвременной кончины в 1927 г. читал курсы по истории русского романтизма и о жизни и творчестве А. Пушкина. Хорошо знакомый с творчеством русских формалистов, свой последний преподавательский год (1926–1927) Б. Пенев посвятил теоретическим курсам «Русский стих» и «Русская метрика».

---

¹ О назначении, административном статусе, преподавательской деятельности М. Попруженко в Софийском университете и его отношениях с болгарскими научными кругами см. главу «П. Бицилли – Михаил Попруженко: молчание и безъязычие» в: Петкова 2017: 60–98.

² Подробнее о лекционных курсах Б. Пенева по русской литературе см.: Петкова 2017: 98–119.

До выхода в 1943 г. «Образцов русской литературной речи» проф. Попруженко прочитал с университетской кафедры следующие лекционные курсы: «История русской литературы XIX века», «История русской литературы после Гоголя», «Русская лирика», «История русской литературы (общий курс)», «Русский роман (XVIII и XIX вв.)», «История русской литературной критики», «История русской литературы второй половины XVII и XVIII вв.», «История русского литературного языка», «Русская литература XVIII и XIX вв.», «Русская народная поэзия», «Русская народная словесность», «Русский романтизм», «Сентиментализм и романтизм в русской литературе», «История русской литературы», «История русской литературы второй половины XIX в.», «История России (быт, культура, эпоха преобразования)», «Введение в историю русской литературы», «Русская литература XIX века», «Русский театр XVIII и XIX вв.», «Русский театр», «Древняя болгарская литература», «А. С. Пушкин: жизнь и творчество», «Ф. М. Достоевский: жизнь и творчество»¹. Кроме лекционных курсов, удалось уточнить и названия некоторых семинаров: «Толкование “Бориса Годунова” А. С. Пушкина», «Толкование “Драматической трилогии” А. Толстого», «Л. Н. Толстой: жизнь и творчество», «Толкование Толстовской повести “Казачи”», «Ф. М. Достоевский: “Преступление и наказание”, толкование и объяснение» [Петкова: 2017: 114-154]. Все остальные семинары имеют типовое название «Чтение и объяснение избранных произведений русской литературы». Курсы не изобилуют вариациями, и их заглавия частично совпадают, но среди них фигурируют и такие, которые концептуализируют русское литературное развитие. Наличие упражнений свидетельствует о том, что на них, очевидно, предлагались различные интерпретации. В свой последний семестр и возможно уже после составления хрестоматии М. Попруженко прочитал лекционный курс «Русская литература после Чехова и до наших дней».

За все годы преподавательской деятельности проф. Попруженко не выпустил свои версии лекционных курсов как отдельные книги, не издал ни одного авторского пособия, учебника или хрестоматии. Попытки найти конспекты лекций или черновики его работ по русской литературе оказались тщетными. Его работы о русских писателях и их произведениях, напечатанные в болгарских журналах, чаще всего приурочены к каким-то торжественным событиям или юбилеям. Сохранившиеся свидетельства говорят о нем как о скучном лекторе, а малочисленные опубликованные статьи свидетельствуют скорее всего как о скучном исследователе.

Параллельно преподавательской деятельности М. Попруженко продолжил свои занятия болгаристикой и на этом поприще сделал блестящую академическую карьеру. Член-корреспондент (1923) и академик (1941)

---

¹ Перечисление заглавий идет по убывающей в зависимости от того, сколько раз повторялся данный курс. См.: Петкова 2017: 114-154.

Болгарской академии наук, он единственный из русских профессоров-эмигрантов удостоился звания почетного доктора Софийского университета (1938). Если проигнорировать некое показное славянофильство, Попруженко остался в культурной памяти Болгарии своим вкладом в кирилло-мефодиевистику, древнеболгаристику и медиевистику. Вероятно, именно на этой основе сложились хорошие коллегиальные отношения и установилось сотрудничество с проф. Романским. Последний вместе с другими авторитетными болгарскими учеными был автором доклада, аргументирующего избрание М. Попруженко действительным членом Болгарской академии наук 29 июня 1941 г.

М. Попруженко и С. Романский участвовали в Кирилло-Мефодиевской комиссии при Болгарской академии наук и осуществили не одну совместную публикацию. В 1935 г. вышла первая, составленная ими, библиография кириллических источников о жизни и деятельности святых братьев¹. В 1942 г. была издана их кирилло-мефодиевская библиография, в которой собраны заглавия 1934–1940 гг.² На обложках обоих изданий имя М. Попруженко занимает первую позицию.

В этом контексте приглашение Попруженко в качестве соавтора и предоставление ему начальной позиции авторских имен можно толковать как жест С. Романского к коллеге-единомышленнику, с которым имело место сотрудничество, но и как соблюдение профессиональной этики: проф. Попруженко был лектором по русской литературе в штате Софийского университета. Может, за этой ритуальностью скрывалась и прагматическая сторона: в кризисной ситуации войны два академика предлагают учебное пособие, а заслуги (почетный доктор) Попруженко могли способствовать изданию книги с образцами в не самое благоприятное для славистики время.

С другой стороны, имя профессора русской литературы на обложке – это его легитимация не только как лектора, но и как исследователя; ожидание, что в подобном издании будет выражена его точка зрения на развитие русской литературной речи, что это его компиляция писательских имен, о которых он говорил на своих лекциях. Имидж создателя модели литературного развития, может быть, отвечала интересам Попруженко, особенно на фоне его минус-присутствия в авторитетных научных изданиях, в частности в Ежегоднике Софийского университета, и активной исследовательской деятельности в области филологии П. М. Бицилли, который с университетской кафедры читал лекции только по истории. С этой точки зрения вопрос об «уровне» лекций и статей Попруженко вторичен, важен факт его институционализации как автора книги о русской литературе.

---

¹ Попруженко М., Романски Ст. Библиографски преглед на славянските кирилски източници за живота и дейността на Кирила и Методия. София: БАН, 1935.

² Попруженко М., Романски Ст. Кирило-методиевска библиография за 1934–1940. София: БАН; Държавна печатница, 1942.

Правда, методологическая матрица, подчиненная сухой информативности, разработанная и инструментализированная С. Романским в предшествующих учебных книгах, вряд ли бы позволила развернутый метатекст в самом издании. Внешнее ограничение и жесткая схема вполне могли не позволить авторскому исследовательскому канону, если он вообще существовал, проявиться и предопределяет Попруженко роль, скорее, хранителя информации, а не толкователя фактов и феноменов. вполне может быть, что в этом амплуа он чувствовал себя комфортно, если вспомнить его участие в соавторских изданиях. Во всяком случае реально предположить, что выбор авторов, селекция произведений, текстологическая сверка и подготовка были предоставлены, если не полностью, то в достаточной мере М. Попруженко. На фоне тематического охвата его лекционных курсов, можно ожидать, что книга выражает в большой степени его интересы и точки зрения.

«Образцы русской литературной речи» повторяют структуру польского и чешского вариантов, хотя по своему объему это издание значительно превышает предшествующие почти на 200 страниц. Книга состоит из предисловия, 48 писательских гнезд, 12 изображений (портретов) русских писателей, примечаний и указателя имен.

В предисловии отмечается, что «нет других славянских народов, которые в своем культурном развитии так сильно влияли друг на друга, как болгарский и русский» [Попруженко, Романски 1943: III]. Текст предлагает краткий исторический экскурс о развитии древнеболгарского языка и о написанной на нем литературе, об их значении для распространения христианства на Руси после принятия Крещения при князе Владимире в 988 г. Рассматривается также роль древнеболгарского языка для оформления церковнославянского языка, который впоследствии – в связи с тяжелым политическим и духовным порабощением Болгарии – повлиял на становление нового болгарского литературного языка. С другой стороны, на базе церковнославянского языка в самой России «вырастает новый литературный язык после Ломоносова» [Попруженко, Романски 1943: IV].

После этого исторического очерка, занимающего приблизительно половину всего предисловия, его авторы приступают к аргументации необходимости самого издания. Они отмечают, что литература, написанная на «новом русском языке», в течение XIX века становится «одной из мировых литератур» [Попруженко, Романски 1943: IV]. Под ее влиянием развивается и новая болгарская литература. Этот факт является результатом «обстоятельства», что с середины XIX в. многие представители болгарской молодежи не только в период до Освобождения Болгарии, но и после него «получили свое образование в России» [Попруженко, Романски 1943: IV]. Идеи, которые распространялись в Западной Европе, «проникали в Болгарию, преломленные сквозь призму русской культуры»

[Попруженко, Романски 1943: IV]. В то время образованные болгары понимали русский язык и могли свободно читать на нем. С западноевропейской научной и художественной литературой они знакомились «при посредстве русских переводов» и практически до конца XIX-го века произведения западноевропейских писателей переводились на болгарский именно с русского языка [Попруженко, Романски 1943: IV].

Вполне понятно, что в этих условиях изучение русского языка в школах становится «обязательным в свободной Болгарии» [Попруженко, Романски 1943: IV]. В Софийском университете также, еще с самого его создания, обучение русскому языку, наряду с обучением французскому и немецкому, осуществлялось на всех факультетах. Усиление его преподавания определяется обстоятельством, что практическое усвоение этого языка, «получившего в последние годы мировое значение» [Попруженко, Романски 1943: IV], которое имеют французский, немецкий, английский и итальянский, стало обязательным для студентов славянской филологии. Последние должны были изучать его грамматику в курсе сравнительной грамматики славянских языков, а также и русскую литературу как «одну из важнейших славянских литератур» [Попруженко, Романски 1943: IV]. Таким образом расширяется функциональность издания: собрание образцов русского литературного языка должно удовлетворить чувствительную нужду не только в изучении языка, но и в изучении литературы. В отличие от польской и чешской книги, русская акцентирует на прибавочном сюжете, а именно собственно литературной истории. Собрание текстов «отражает русскую литературу со времен Ломоносова и до наших дней», предлагая «образцы из произведений практически всех виднейших русских писателей – поэтов, повествователей и драматургов» [Попруженко, Романски 1943: IV]. Отбор произведений лучших писателей учитывал факт, что их общеизвестные тексты можно найти в «любой школьной хрестоматии» [Попруженко Романски 1943: IV]. Поэтому эти тексты не печатаются, а взамен было принято решение представить законченные или хотя бы целостные тексты, а не короткие отрывки из отдельных произведений.

Далее излагаются технические параметры издания. Поскольку книга имеет «практическое предназначение», «тексты напечатаны с указанием ударения каждого слова» [Попруженко, Романски 1943: IV]. Этот подход очень важен в «книге для болгар, в языке которых многие слова совпадают с теми же в русском языке, но различаются по своему ударению» [Попруженко, Романски 1943: IV]. В этом плане встречаются затруднения, так как некоторые слова в русском литературном языке имеют два различных ударения, а в случае с предлогами и отрицательной частицей «не» в речи ударение падает на последующее слово. Это перетягивание ударения на предыдущее неударное слово является характерной чертой русской разговорной речи и везде отмечается, а само ударное слово

«остаётся без помеченного ударения, так как его и нет» [Попруженко, Романски 1943: V]. Подобное ударение ставится и на односложные слова, когда в потоке речи они акцентируются и этим подчеркивается их значение. В примерах из поэзии ударения ставятся только на слова первой строки или первой строфы, тем самым показывается, куда следует поставить ударения слов в остальных строчках или строфах.

Проблема правописания в книге получила решение по «целесообразности» [Попруженко, Романски 1943: V]. Образцы из писателей до революции 1917 г. даются по старой русской орфографии, на которой писались и печатались их произведения, а образцы из писателей, которые писали после революции, – по новым правилам правописания.

В книге с русскими образцами появляется впервые рубрика «Примечания», и в предисловии мотивируется ее присутствие. Она напечатана в конце книги, и ее цель отметить и объяснить редко используемые слова, которые иногда встречаются в текстах «наилучших писателей», но не нашли свое отражение в «прекрасном» [Попруженко, Романски 1943: V], по мнению составителей, словаре проф. Д. Н. Ушакова («Толковый словарь русского языка». Том I–IV. Москва, Огиз, 1934–1940).

Предисловие к русским образцам пространнее, чем предисловия в польской и чешской книге, а также в отличие от них не датировано. Ответить однозначно, кто его автор, или написано ли оно в соавторстве, не совсем легко. Предисловие написано на болгарском языке достаточно сухим, информативным стилем, и этим как бы не отличается от предшествующих, более того оно следует их схеме.

Если его автором был только М. Попруженко, то оно вполне могло быть отредактировано С. Романским, чтобы соответствовать тогдашнему научному дискурсу. Сам Романский был ученым с богатой и разносторонней эрудицией и автором словарей, так что проблема правописания ему не чужда. Все же наличие достаточной русской специфики в самой книге, а также некоторые конструкции и известная архаичность болгарского языка могут дать основания предположить, что активной фигурой в его написании был М. Попруженко.

Предисловие к русским образцам имеет еще одну особенность. Оно не только излагает составительские принципы, но и является историческим мини-экскурсом о становлении русского языка до Ломоносова, т. е. в каком-то смысле представляет собой конспект возможной обзорной главы, посвященной этой теме.

По сравнению с остальными предисловиями, впервые здесь книга с русскими образцами соотносится со школьными хрестоматиями, и таким образом определяется ее собственный профиль. В предисловии упоминаются школьные хрестоматии по русской литературе, но не конкретизируется, какие – болгарские или русские – имеются в виду. В Болгарии

преподавание русского языка в школах началось сразу после Русско-турецкой войны (1877–1878) и в определенных классах оно осуществлялось на базе текстов русских классиков. Для этой цели создавались различные «русские хрестоматии», включающие отрывки из произведений русских писателей, которые были дополнены соответствующим словарем¹. В конкретном случае не столь важно, о болгарской или о русской школьной хрестоматии идет речь и в каком объеме в процессе отбора «общеизвестные» произведения не включаются, а факт, что «Образцы русской литературной речи» мыслятся в поле изданий, названных хрестоматиями, и таким образом имплицитно присваивают себе этот жанровый статус. Вероятно, однако, жанровая идентификация и этой книги зависела от проф. Романского и соответствовала его замыслу – изучать язык при помощи литературы. И хотя в предисловиях к польским и чешским образцам упоминаются литературные направления, собственно литературоведческая линия остается внешне неразработанной, как, впрочем, и здесь.

Структура книги русских образцов, как и предшествующих книг, зернистая, это паратаксическое нанизывание отдельных имен и текстов при соблюдении соответствующей хронологической рамки. Подобная архитектура позволяет начинать чтение с любого автора и текста и прекращать его без ущерба для общего смысла. Если в польской и чешской книгах акцент ставится на образцах из произведений XIX – начала XX вв., а остальные периоды представлены скромно, то в русской – опубликованы тексты, начинающиеся с автора, где остановилось предисловие – с Ломоносова, и кончающиеся современниками составителей – Буниным и Шолоховым.

Выбранные образцы из произведений датированы тремя веками – XVIII, XIX и XX, а 48 авторских гнезд идут в следующем порядке: М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Г. Р. Державин, И. Ф. Богданович, Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, А. В. Кольцов, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, И. А. Гончаров, М. Ю. Лермонтов, А. К. Толстой, И. С. Тургенев, Я. П. Полонский, А. А. Фет, А. Н. Майков, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, А. Н. Апухтин, В. И. Немирович-Данченко, В. Г. Короленко, В. М. Гаршин, А. П. Чехов, Федор Сологуб, К. Д. Бальмонт, Максим Горький, А. И. Куприн, И. А. Бунин, А. М. Ремизов, А. А. Блок, Андрей Белый, А. Н. Толстой, Н. С. Гумилев, Игорь

---

¹ Подробнее о хрестоматиях, подготовленных болгарскими учителями русского языка, в том числе и о «Литературном сборнике. Учебной книге, составленной по новой (1912 г.) программе Министерства народного просвещения для III и IV-го класса гимн.; с подробным словарем, с ударениями и с литературно-историческими комментариями петербургского профессора Н. С. Державина» (София, 1912), переизданном до 1944 г. шесть раз, см.: Петкова 2014: 74-76.

Северянин, Анна Ахматова, С. А. Есенин, В. В. Маяковский, М. А. Шолохов. Если мысленно разделить имена по векам, при всей относительности подобного эксперимента, получится, что в рамках каждого столетия внутренняя последовательность отступает от некоей общепринятой в пособиях хронологии. Может быть, на это повлияло желание группировать и чередовать различные типы речи – прозаической, поэтической и драматургической. В любом случае, очевидно, что это были имена, значимые тогда в глазах, вероятнее всего, М. Попруженко, и подходящие для осуществления учебного процесса.

В предисловии не упоминаются критерии, по которым выбраны те или иные авторы. Отбор текстов зависел, как уже упоминалось, от степени их распространения и возможности найти их в другой хрестоматии. Каждое писательское гнездо состоит из мини-персоналии об авторе и соответствующих текстов. Мини-персоналия включает биографический и библиографический компонент, при этом подается весьма сконцентрированная информация, которая содержит следующие пункты: общая оценка автора и его вклада в русскую литературу и культуру, характеристика его творчества, важнейшие детали его биографии и краткая библиография, в которой перечисляются самые известные заглавия произведений, год издания, а также существующие собрания сочинений. Таким образом, у студентов формируется самое общее представление об авторе и создается контекст для восприятия конкретных образцов.

Среди писательских имен любопытно присутствие Василия Ивановича Немировича-Данченко (1848–1927). В краткой биографической справке о нем сказано, что он «из самых разнообразных и плодовитых русских писателей, известный военный корреспондент и автор рассказов о путешествиях» [Попруженко, Романски 1943: 473]. Перечисляются факты его участия в военных кампаниях в качестве корреспондента, в том числе и во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Выбранный отрывок посвящен боям на вершине Шипка и взят из книги Немировича-Данченко «Летом и зимою на Шибке. 1877–1878» (С.-Петербург, 1890). Так как в «Образцах ...» сохраняется авторское написание «географического названия» [Попруженко, Романски 1943: 473], сильно режущее слух носителя болгарского языка, я пыталась найти оригинал, с которого был снят образец. Оказалось, что книга «Летом и зимою на Шибке» принадлежала личной библиотеке упомянутого уже проф. Бояна Пенева и сохранилась сегодня в его фонде в библиотеке Софийского университета. В этом экземпляре, в тексте перепечатанной главы «Первые три дня защиты Шибкинского перевала» везде от руки карандашом поставлены ударения в словах и отмечена буква «ё» там, где она употребляется. В таком «нормализованном» виде отрывок и присутствует в книге с образцами. Вероятно, составители решили, что этого автора надо обязательно опубликовать,

позаимствовали отрывок из наличного суворинского издания, при этом отказались лексеме «Шибка» дать общепринятое правописание «Шипка». Если оставить в стороне смысловые коннотации, зависящие от чередующихся звуков, это слово не просто географическое название, но символ героизма русских солдат и болгарских ополченцев, повлиявшего на ход Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и особо отмечаемого в Болгарии 3-го марта как мемориальное место. Может, у того, кто выбрал этот отрывок, не хватило чутья к этой странице не только болгарской истории. Или были другие веские аргументы?

В декабре 1925 г. писатель В. И. Немирович-Данченко участвовал в юбилейной неделе Славянского общества в Болгарии. Он выступал на юбилее 5-го декабря с речью об единении славян, а также в Софийском университете и в здании общества «Славянская беседа» [Петкова 2020: 390]. В ноябре 1926 г. Немирович-Данченко снова приезжал в Софию, участвовал в очередной славянской встрече, посвященной ему как почетному члену Славянского общества, а со стороны последнего ему были оказаны почести как «дорогому гостю» [Петкова 2020: 395]. Повлияли ли возможные личные отношения на дизайн включения в книгу с образцами национальный, т. е. болгарский исторический и культурный контекст?

Сама по себе Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была уместной темой, так как обладала особым символическим значением в общественном сознании, особенно в среде славянофильской интеллигенции. Помимо этого, она была и пространством осуществления диалога между русскими эмигрантами и болгарским обществом в 1920–1930-е гг. Неслучайно в книгу включается и отрывок из романа И. Тургенева «Накануне», вряд ли не «общеизвестного» среди образованных болгар. Правда, опубликованный образец посвящен свиданию Елены с Инсаровым, тем самым смещая акцент с идеологического / героического / политического на универсальность переживаемой любви и ее значения для личного счастья человека. Подобные столкновения смысловых пластов, впрочем, характерны для произведений Тургенева. Если составители имели их в виду, тогда был бы возможен подобный разговор о творчестве Тургенева в аудитории.

Особый интерес представляет присутствие произведений писателей и поэтов, представителей советской литературы и оставшихся жить в советской России после 1917 г. (В. Маяковского, С. Есенина, М. Шолохова), русских представителей эмигрантской литературы (И. Бунина, А. Ремизова, К. Бальмонта, И. Северянина) или таких, кто уехал в эмиграцию, но потом репатриировался (А. Куприн, Алексей Толстой). В биографической справке о Куприне упоминается, что он «убежал от революции (1918) за границу, был в Париже, скончался в Ленинграде» [Попруженко, Романски 1943: 557], о Буinine сказано, что «после революции уехал за границу, живет в Париже» [Попруженко, Романски 1943: 557], о А. Ремизове – что это

«русский повествователь, декадент и пессимист», «после 1921 г. – эмигрант» [Попруженко, Романски 1943: 572], об Алексее Толстом: «жил после революции как эмигрант на чужбине (1918–1923)» [Попруженко, Романски 1943: 590]. Из всех эмигрантских авторов Бунин присутствует наиболее полно как прозаик и поэт, на что, вероятно, помимо Нобелевской премии, повлияло пребывание Бунина в Софии, его несостоявшаяся карьера профессора по русской литературе, в какую должность его избрал Академический совет университета в 1920 г., а также высокий переводческий и критический интерес к его творчеству в болгарском обществе. И хотя о Шолохове сказано намного скромнее, биографические справки обоих авторов начинаются с одних тех же стертых формулировок:

Иван Бунин	Михаил Шолохов
« <u>Современный русский повествователь</u> , академик, носитель Нобелевской премии» [Попруженко, Романски 1943: 557]	« <u>Современный русский повествователь</u> » [Попруженко, Романски 1943: 614]

В справке о Н. Гумилеве открыто упоминается, что он был «арестован и расстрелян» [Попруженко, Романски 1943: 596]. Перед составителями книги в 1943 г., очевидно, не стояла дилемма «одна или две литературы», они были свободны перечислить и поставить все имена рядом друг с другом, рассматривая русскоязычное литературное развитие как единый поток. Очень скоро, с 1944 г., немалая часть писательских имен, включенных в книгу, пройдет особое цензурирование и на годы будет, если не изъята для исследования и не запрещена в лекционных курсах (речь не только о XX веке), то обречена на весьма манипулятивные толкования.

В справках об авторах обычно указывается, к какому литературному направлению или группе принадлежит соответствующий писатель или поэт. Это создает параллельное бытие книги, выходящее за рамки собственно языкового развития и позволяющее конструировать литературно-исторический нарратив. К нему можно отнести и главу о Белинском с опубликованным отрывком из его работы «Натуральная школа». Белинский представлен как «самый крупный литературный критик» [Попруженко, Романски 1943: 224]. Акцент отрывка поставлен на происхождении натуральной школы, т.е. фигура Белинского и его текст работают на экспликацию возможного скрытого литературоведческого курса, реализация которого перформативна, зависит от конкретного лектора в конкретной преподавательской ситуации.

Сквозь призму хрестоматии по русской литературе можно рассматривать и упомянутые справки о писателях – это некие конспекты, которые будут развернуты в аудитории. И хотя нет разделов, а хронология в рамках столетий не всегда соблюдается, сама идея публикации «образцов» означает, что в потоке русского литературного развития XVIII–XX вв.

выделяются произведения, которые представляют собой не только примеры, но и формируют репертуар более ценных, канонических текстов. С этой точки зрения весьма интересна серия писательских портретов, перечень которых выносится в отдельную рубрику: М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, Максим Горький. Выбор портрета, вероятно, означает, что эти авторы более известные и авторитетные среди других, поэтому было бы хорошо, чтобы учащиеся имели о них и визуальное представление.

Смогли ли издания образцов литературной речи осуществить свое предназначение, не известно, но, судя по запискам и пометкам на полях сохранившихся библиотечных экземпляров, студенты работали с ними. После коммунистического переворота 1944 г., однако, произошла коренная ломка гуманитаристики. Хотя проф. Романский сохранил свой авторитет и в новое время, долгие годы был директором Института болгарского языка при Болгарской академии наук (1947–1951) и руководителем сектора Болгарского словаря в этом институте, книги с образцами остались в кладовой книгохранилищ, они принадлежали другому эзону. В случае с русским вариантом были и дополнительные обстоятельства, вероятно, доказывающие его неприемлемость для новой русистики не только из-за устаревшей методики. Многие авторы, присутствующие в книге, в то время имели уже проблемную рецепцию, но и сам составитель – проф. Попруженко – был русским эмигрантом, а это могло автоматически перечеркнуть ее бытие для тогдашней филологии. И хотя этот том избежал присутствия в списках запрещенных книг, он не участвовал в развитии национальной академической традиции – преподавательской или исследовательской в области русистики.

Помимо своего материального и функционального аспектов, учебные книги, созданные, чтобы помочь процессу обучения студентов, раскрывали символические значения, которые выходят за рамки конкретного пособия и сообщают что-то важное о состоянии академического поля того времени. Издание русских образцов показало хорошую осведомленность составителей в русском языковом и литературном развитии, что давало им основание воспринимать русскоязычную литературу XX века как «единую». Оно учитывало болгарский культурный контекст, в котором русский, как и остальные славянские языки, изучался как иностранный. Вопреки войне, три книги с образцами литературной речи славянских языков свидетельствуют о том, что сохранилась автономность академического поля Софийского университета и тогда в производстве гуманитарного знания не ощущалось идеологического давления.

Оставшиеся на долгие годы забытыми, «Образцы русской литературной речи», как и предшествующие им образцы польской и чешской речи, уникальны для своего времени, это книги, которыми мог гордиться любой университет. Войдут ли они сегодня в историю филологии Болгарии и самой славистики, каким будет их место в авторефлексивном рассказе памяти, зависит от их заинтересованных читателей и исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

Нора Пиер. Между паметта и историята // Нора Пиер (под ръководството на). Места на памет. Том I. От Републиката до Нацията. – София : Дом на науките за човека и обществото, 2004. – С. 35-71.

Попруженко, М. Руска книжовна реч в образци / М. Попруженко, С. Романски. – София : Университетска печатница, 1943. – 626 с.

Романски, С. Полска книжовна реч в образци / С. Романски. – София : Университетска печатница, 1941. – 464 с.

Романски, С. Ческа книжовна реч в образци / С. Романски. – София : Университетска печатница, 1942. – 420 с.

Петкова, Г. «Краткая история русской литературы» П. Бицилли – учебное пособие, larsus, авторский канон? / Г. Петкова. – Текст : электронный // Филологический класс – 2014. – № 1 (35). – С. 69-77. – URL: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=262&Itemid=242 (дата обращения: 18.05.2022).

Петкова, Г. «Да се даде ръководеща нишка ...»: История на руската литература от проф. П. Бицилли в три книги (България, 1931–1934 г.) / Г. Петкова. – София : Факел, 2017 – 656 с.

Петкова, Г. С какво (за)помним София Николай Трубецкой и Роман Якобсон. Находки от архивите на българските филолози / Г. Петкова. – Текст : электронный // Електронно списание LiterNet. – 09.07.2018. – № 7 (224). – URL: <https://litenet.bg/publish10/gpetkova/trubeckoi-iakobson.htm> (дата обращения: 18.05.2022).

Петкова, Г. Хроника культурной и литературной жизни русской эмиграции в Болгарии (1919–1940) / Г. Петкова // Юхновски И., Казански Н., Петкова Г. Нова книга за руската емиграция в България. – София : Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2020. – С. 338-444.

REFERENCES

Nora Pier. Mezhdru pametта i istoriyata // Nora Pier (pod r"kovodstvoto na). Mesta na pamet. Tom I. Ot Republikata do Natsiyata. – Sofiya : Dom na naukite za choveka i obshchestvoto, 2004. – S. 35-71.

Popruzhenko, M. Ruska knizhovna rech v obraztsi / M. Popruzhenko, S. Romanski. – Sofiya : Universitetska pechatnitsa, 1943. – 626 s.

Romanski, S. Polska knizhovna rech v obraztsi / S. Romanski. – Sofiya : Universitetska pechatnitsa, 1941. – 464 s.

Romanski, S. Cheska knizhovna rech v obraztsi / S. Romanski. – Sofiya : Universitetska pechatnitsa, 1942. – 420 s.

Petkova, G. «Kratkaya istoriya russkoi literatury» P. Bitsilli – uchebnoe posobie, lapsus, avtorskii kanon? / G. Petkova. – Tekst : elektronnyi // Filologicheskii klass – 2014. – № 1 (35). – S. 69-77. – URL: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=cate-gory&id=262&Itemid=242 (data obrashcheniya: 18.05.2022).

Petkova, G. «Da se dade r"kovodeshcha nishka ...»: Istoriya na ruskata literatura ot prof. P. Bitsilli v tri knigi (B"lgariya, 1931–1934 g.) / G. Petkova. – Sofiya: Fakel, 2017 – 656 s.

Petkova, G. S kakvo (za)pomnyat Sofiya Nikolai Trubetskoi i Roman Yakobson. Nakhodki ot arkhivite na b"lgarskite filoloji / G. Petkova. – Tekst : elektronnyi // Elektronno spisanie LiterNet. – 09.07.2018. – № 7 (224). – URL: <https://liternet.bg/publish10/gpetkova/trubeckoi-iakobson.htm> (data obrashcheniya: 18.05.2022).

Petkova G. Khronika kul'turnoi i literaturnoi zhizni russkoi emigratsii v Bolgarii (1919–1940) / G. Petkova // Yukhnovski I., Kazanski N., Petkova G. Nova kniga za ruskata emigratsiya v B"lgariya. – Sofiya : Izdatelstvo na BAN «Prof. Marin Drinov», 2020. – S. 338-444.

Сведения об авторе

Петкова Галина – доктор филологии, доцент кафедры русской литературы Факультета славянских филологий, Софийский университет «Св. Климент Охридский» (София, Болгария).

E-mail: petkova@slav.uni-sofia.bg

Author's information

Petkova Galina – PhD, Associate Professor of Department of Russian Literature of Faculty of Slavic Studies, Sofia University “St. Kliment Ohridski” (Sofia, Bulgaria).

188

УНИВЕРСИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА № 268

М. ПОПРУЖЕНКО и СТ. РОМАНСКИ

РУСКА
КНИЖОВНА РЕЧЬ

ВЪ ОБРАЗЦИ

676
16 слав

СОФИЯ
УНИВЕРСИТЕТСКА ПЕЧАТНИЦА
1943

Визит Романа Якобсона в Софию. В центре фотографии – Роман Якобсон, за руку он держит известного слависта Бориса Йоцова, основателя богемистики (расстрелян в 1944 г.).

УНИВЕРСИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА № 268¹

М. ПОПРУЖЕНКО и СТ. РОМАНСКИ

**РУСКА КНИЖОВНА РЕЧ В ОБРАЗЦИ
[ОБРАЗЦЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ]**

**СОФИЯ
УНИВЕРСИТЕТСКА ПЕЧАТНИЦА
1943**

---

¹ Текст, помещенный в рамку, воспроизводит информацию обложки и титульного листа. Везде в квадратных скобках дается перевод на русский язык.

СЪДЪРЖАНИЕ [СОДЕРЖАНИЕ¹]**ПРЕДГОВОР [ПРЕДИСЛОВИЕ]**

- М. В. ЛОМОНОСОВ (Михаил Васильевич Ломоносов): *О пользе книг церковных в российском языке* (1 – 6); *Утреннее размышление о Божием величестве* (6 – 7); *Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния* (7 – 8); *Ода, выбранная из Иова*. Глава 38, 39, 40 и 41 (9 – 11)
- А. П. СУМАРОКОВ (Александр Петрович Сумароков): *Песня – Тщетно я скрываю сердца скорби люты* (12 – 13); *Хор к превратному свету* (13 – 14); *Из Димитрий Самозванец – Действие IV, явление V; Действие V, явление I* (14 – 15)
- Г. Р. ДЕРЖАВИН (Гавриил Романович Державин): *Бог* (16 – 18); *Памятник* (19); *Соловей во сне* (19); *Признание* (20); *Река времен в своем стремленьи* (20)
- И. Ф. БОГДАНОВИЧ (Ипполит Феодорович Богданович): *Из Душенька* (21 – 24)
- Д. ИВ. ФОНВИЗИН (Денис Иванович Фонвизин): *Из Недоросль – Действие второе* (25 – 30)
- Н. М. КАРАМЗИН (Николай Михайлович Карамзин): *Из История государства Российского – Битва на Куликовом поле* (31 – 32); *Из Наталья, боярская дочь – Боярин Матвей и его дочь* (32 – 36)
- И. И. КРИЛОВ (Иван Андреевич Крылов): *Пустынник и медведь* (37 – 38); *Скворец* (39); *Осел и соловей* (39 – 40); *Тришкин кафтан* (40); *Обезьяна* (40 – 41); *Свинья под дубом* (41); *Лебедь, щука и рак* (42); *Мельник* (42 – 43); *Петух и жемчужное зерно* (43); *Волк на псарне* (43 – 44); *Крестьянин в беде* (44); *Кот и повар* (45); *Стрекоза и муравей* (45 – 46); *Две бочки* (46); *Конь и всадник* (47); *Пушки и паруса* (48); *Кукушка и орел* (49)
- В. А. ЖУКОВСКИ (Василий Андреевич Жуковский): *Из Двенадцать спящих дев*. Старинная повесть в двух балладах – (50 – 51); Баллада первая. Громобой (51 – 72); *К Эмме [Из Шиллера]* (72)

---

¹ Заглавия произведений, набранные разрядкой в оригинале содержания, здесь передаются курсивом. В книге прописными буквами на болгарском языке вводятся фамилия автора и его инициалы или псевдоним. Рядом с именем, в круглых скобках, дается имя автора на русском языке, при этом, однако, на болгарском указано, если «это псевдоним». Цифровые обозначения после каждого заглавия указывают на страницы публикации. Текст содержания печатается по современной русской орфографии. Конструкция, указывающая на селекцию, «из ... [заглавие в Им п.]» присутствует и в польской, и в чешской книге, где заглавия написаны латиницей на языке оригинала. В русской книге сохраняется эта схема, но заглавие остается в Им. п и отсутствует согласование с предлогом «из».

- К. Н. БАТЮШКОВ. (Константин Николаевич Батюшков): *Надежда* (73); *Выздоровление* (74); *Пробуждение* (74); *Элегия* (74 – 75); *В день рождения N.* (75); *Изречение Мельхиседека* (75)
- А. С. ГРИБОЕДОВ (Александр Сергеевич Грибоедов): *Из Горе от ума* – *Из Действие первое* (76 – 88)
- А. С. ПУШКИН (Александр Сергеевич Пушкин): *Я памятник себе воздвиг нерукотворный* (89 – 90); *Отцы-пустынники и жены непорочны* (90); *Утопленник* (90 – 92); *Анчар* (92 – 93); *Пророк* (93 – 94); *Вновь я посетил* (94 – 95); *К А. П. Керн* (95 – 96); *Из Евгений Онегин* – *Из Глава первая* (96 – 99); *Из Глава вторая* (99 – 107); *Из Глава третья* (107 – 111); *Из Глава четвертая* (111 – 113); *Из Глава шестая* (113 – 116); *Из Глава восьмая* (116 – 125); *Из Борис Годунов* – *Ночь. Келья в Чудовом монастыре* (125 – 130); *Ограда монастырская* (130 – 132); *Царские палаты* (132 – 133); *Москва. Царские палаты* (133 – 137); *Сказка о золотом петушке* (137 – 142); *Из Повести Ивана Петровича Белкина* – *Барышня-крестьянка* (142 – 156); *Из Путешествие в Арзрум. Встреча Пушкина с Грибоедовым* (156 – 157)
- Ф. И. ТЮТЧЕВ (Феодор Иванович Тютчев): *Дочери Д. Ф. Тютчевой* (158); *О, вещь душа моя* (158); *Наш век* (159); *Поток сгустился и тускнеет* (159); *Silentium* (159 – 160); *Как хорошо ты, о, море ночное* (160); *14 июля 1851 года* (160); *Весенняя гроза* (160 – 161); *Сияет солнце, воды блещут* (161); *Не то, что мните вы, природа* (162); *Последняя любовь* (162); *Не остывшая от зною* (163); *В июле 1850 года* (163); *В разлуке есть высокое значенье* (163)
- А. В. КОЛЦОВ (Алексей Васильевич Кольцов): *Урожай* (164 – 165); *Песня пахаря* (165 – 166); *Крестьянская пирушка* (166); *Что ты спишь, мужичок* (167); *Косарь* (167 – 168); *Лес* (169); *Раздумье селянина* (170); *Разлука* (170)
- Н. В. ГОГОЛ (Николай Васильевич Гоголь): *Из Вечера на хуторе близ Диканьки* – *Из Ночь перед Рождеством* (171 – 180); *Из Старосветские помещики* – *Смерть Пульхерии Ивановны* (180 – 184); *Из Тарас Бульба* – *И. Приезд паничей* (184 – 194); *Из Ревизор* – *Действие пятое* (194 – 206); *Из Мертвые души* – *Том I, гл. IV. Встреча Чичикова с Ноздревым* (206 – 226); *Ноздрев исторический человек* (211 – 214); *Из Чичиков у Собакевича* (214 – 223)
- В. Г. БЕЛИНСКИ (Виссарион Григорьевич Белинский): *Натуральная школа* (224 – 226)
- И. А. ГОНЧАРОВ (Иван Александрович Гончаров): *Из Обрыв* – *Часть IV, глава XXIV и XXV. Отъезд Райского из деревни* (227 – 232)
- М. Ю. ЛЕРМОНТОВ (Михаил Юрьевич Лермонтов): *Смерть поэта* (233 – 235); *Ангел* (235); *Молитва* (235 – 236); *Тучи* (226); *Парус* (236); *Три пальмы* (237); *Сосна. Из Гейне* (238); *Выхожу один я на дорогу* (238 – 239); *Пророк* (239); *Из Валерик* (239 – 241); *И скучно, и грустно*

- (241 – 242); *Дубовый листок оторвался от ветки родимой* (242) Из *Демон* – Часть первая (242 – 246); Часть вторая (247 – 260); Из *Герой нашего времени* – Фаталист (260 – 267)
- ГРАФ А. К. ТОЛСТОЙ (Граф Алексей Константинович Толстой): *Илья Муромец* (268 – 269); Из *Дон Жуан* – Отходная. Хор монахов в эпилоге (270); Из *Иоанн Дамаскин* (270 – 273); *Горними тихо летела душа небесами* (273); *Дождя отшумевшего капли* (273 – 274); *Шумит на дворе непогода* (274 – 275); *В совести искал я долго обвиненья* (275)
- И. С. ТУРГЕНЕВ (Иван Сергеевич Тургенев): Из *Записки охотника* – Живые мощи (276 – 287); Из *Накануне* – XXIII. Свидание Елены с Инсаровым (287 – 291); Из *Стихотворения в прозе* – Русский язык (291); Нищий (291 – 292); Воробей (292 – 293); Природа (293 – 294)
- Я. П. ПОЛОНСКИ (Яков Петрович Полонский): *Бэда-проповедник* (295 – 296); *Посмотри, какая мгла* (296); Из *Бурдильена* – “The night has thousand eyes” (296); *Орел и змея* (296 – 297); *Симеон, царь болгарский* (297 – 300); *Священный благовест торжественно звучит* (300)
- А. А. ФЕТ (Афанасий Афанасьевич Шеншин, по майка¹ Фет): *Сияла ночь. Луной был полон сад* (301); *Какая ночь! На всем какая нега* (302); *Смерть* (302); *Шепот. Робкое дыхание* (302 – 303); *Ива* (303); *Я пришел к тебе с приветом* (303 – 304); *Нет, я не изменил: до старости глубокой* (304); *Осень* (304); *Тихая, звездная ночь* (305); *Я долго стоял неподвижно* (305); *К Офелии* (305)
- А. Н. МАЙКОВ (Аполлон Николаевич Майков): *Октава* (306); Из *Нива* (306 – 307); *Искусство* (307); *Дионея* (307); Из *Альбом Антонию* (308); Из *Аполлodor Гностик* (308 – 309); *Дурочка. Идиллия* (309 – 313)
- Ф. М. ДОСТОЕВСКИ (Федор Михайлович Достоевский): *Кроткая*. Фантастический рассказ (314 – 348); Из *Братья Карамазовы* – Эпилог III. Похороны Илюшечки. Речь у камня (348 – 354)
- Н. А. НЕКРАСОВ (Николай Алексеевич Некрасов): *Поэт и гражданин* (355 – 362); *Зеленый шум* (362 – 364); *Несжатая полоса* (364 – 365); *Влас* (365 – 367); *Школьник* (367 – 368); *Где твоё личико смуглое* (368 – 369); *Внимая ужасам войны* (369); *Я за то глубоко презираю себя* (369 – 370); *Тройка* (370 – 371); Из *Рыцарь на час* (371 – 373); Из *Тишина* – Родной храм (374 – 375); *Стихи мои! Свидетели живые* (375); *Сон* (375)
- А. Н. ОСТРОВСКИ (Александр Николаевич Островский): Из *Бедность не порок* (376 – 387)
- М. Е. САЛТИКОВ (Михаил Евграфович Салтыков, с псевд. Щедрин): Из *Пошехонская старина XXI* – Валентин Бурмакин (389 – 394)
- ГРАФ Л. Н. ТОЛСТОЙ (Граф Лев Николаевич Толстой): Из *Юность* – I. Что я считаю началом юности (395 – 396); II. Весна (396 – 399);

---

¹ По матери – Г. П.

- III. Мечты (399 – 401); IV. Наш семейный кружок (402 – 405); V. Правила (405 – 406); VI. Исповедь (406 – 407); Из *Казак* – V. Вечер в станции (407 – 411); VI. На вышке поста (411 – 415); Из *Война и мир* – Ч. I, гл. XXXIII – XXXVII. Бородинское сражение (415 – 433); Т. IV, ч. I, гл. VI. Смерть князя Андрея (434 – 439); Из *Анна Каренина*. – Ч. I, гл. XXIX – XXX. Свидание Анны с сыном (439 – 446); *Молитва* (446 – 451); *Труд, смерть и болезнь* (Легенда) (451 – 453); *Мысли о смысле жизни* (453)
- Н. С. ЛЕСКОВ (Николай Семенович Лесков): *Лев старца Герасима* (Восточная легенда) (454 – 461); Из *Легенда о совестном Даниле* (461 – 467)
- А. Н. АПУХТИН (Алексей Николаевич Апухтин): *Моление о чаше* (468 – 469); *Голгофа* (469 – 470); *Люби, всегда люби* (470); *Прощай* (470); *Опять пишу тебе* (470 – 471); *Chanson à boire* (471); *Ночи безумные, ночи бессонные* (471)
- В. И. НЕМИРОВИЧ – ДАНЧЕНКО (Василий Иванович Немирович – Данченко): Год войны – Т. I, 2. Шибка в августе. II. Первые три дня защиты Шибкинского перевала (473 – 481)
- В. Г. КОРОЛЕНКО (Владимир Галактионович Короленко): *Старый звонарь* (Весенняя идиллия) (482 – 487); Из *Лес шумит* (487)
- В. М. ГАРШИН (Всеволод Михайлович Гаршин): Из *Воспоминаний рядового Иванова*. – VII. Переход русских войск через Дунай в 1877 г. (488 – 491)
- А. П. ЧЕХОВ (Антон Павлович Чехов): *Студент* (492 – 495); *Пустой случай* (495 – 504); *Беспокойный гость* (504 – 509); *Детвора* (509 – 513); *Мальчики* (514 – 519). Из *Дядя Ваня*. – Конец 4-ого действия (519)
- ФЕДОР СОЛОГУБ (Федор Сологуб, псевдоним на Федор Кузьмич Тетерников): *Заря-заряница* (520 – 522); *Песенка* (522); *Там, где бор и где гора* (522 – 523); *О, жизнь моя без хлеба* (523); *Гимны родине* (524 – 525); *Колыбельная* (525); *Простая песенка* (525); *Забыв о родине своей* (526); *Ангел благого молчания* (526)
- К. Д. БАЛМОНТ (Константин Дмитриевич Бальмонт): *На вершине* (527 – 528); *Пустыня* (529); *Лебедь* (529 – 530); *Призраки* (530); *Лесные травы* (530 – 531); *Молитва* (531); *Солнце встало* (531 – 532); *Завет бытия* (532); *Святой Боже* (532); *Колыбельная песня* (533); *Ковыль* (533); *Скиф* (534); *Свеча горит и меркнет и вновь горит сильней* (534)
- МАКСИМ ГОРЬКИЙ (Максим Горький, псевдоним на Алексей Максимович Пешков): *Дружки* (535 – 548); *Песня о соколе* (549 – 550)
- А. И. КУПРИН (Александр Иванович Куприн): *Пегие лошади* (551 – 556); из *О Чехове* (556)
- И. А. БУНИН (Иван Алексеевич Бунин): *Снегур* (557 – 559); Из *Господин из Сан-Франциско* (559 – 564); Из *Жизнь Арсеньева*. – Книга четвертая. VIII. Воспоминания юности (564 – 567); *Не пугай меня грозю* (567); *В стороне далекой от родного края* (567); *Помню долгий зимний вечер* (568 –

- 569); *Дорогая! Снова болен* (569); *Сказка* (569); *Когда деревья в светлый майский день* (570); *В лесу* (570); *Бегство в Египет* (571); *Слово* (571)
- А. М. РЕМИЗОВ (Алексей Михайлович Ремизов): *Из Оля – Оля в пансионе* (572 – 576)
- А. А. БЛОК (Александр Александрович Блок): *В синем небе, в темной глубине* (577 – 578); *В голубой далекой спальне* (578 – 579); *Она веселой невестой была* (579 – 580); *У моря* (580); *В кабаках, в переулках, в извивах* (580 – 581); *Холодный день* (581 – 582); *Рожденные в года глухие* (582); *Скифы* (582 – 584)
- АНДРЕЙ БЕЛИИ (Андрей Белый, псевд[оним] на Борис Николаевич Бугаев): *Один* (585); *Вспомни* (585 – 586); *Тройка* (586 – 587); *Есть в лете что-то роковое, злое* (587); *Милая, знаешь ли, – вновь* (587); *Золотому блеску верил* (588); *Родине* (588); *Калека* (589); *Осень* (589)
- А. Н. ТОЛСТОЙ (Алексей Николаевич Толстой): *Из Кулик* (590 – 595)
- Н. С. ГУМИЛЬОВ (Николай Степанович Гумилев): *Капитаны* (596 – 599); *Дагомея* (599 – 600); *Две розы* (600); *Девушке* (600 – 601); *У камин* (601)
- ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН (Игорь Северянин, псевд[оним] на Игорь Васильевич Лотарев): *Завет* (602); *Весенний день* (602 – 603); *Душистый горошек. Сказка* (603); *Вешний звон. Триолеты* (604)
- АНА АХМАТОВА (Анна Ахматова, псевд[оним] на Анна Андреевна Горенко, по първи мъж Гумилева¹): *Протертый коврик под иконой* (605); *Как вплелась в мои темные косы* (605); *Помолись о нищей, о потерянной* (606); *Перед весной бывают дни такие* (606); *Я улыбаться перестала* (605); *Вечером* (607); *Мурка, не ходи, там сыч* (607); *За озером луна остановилась* (607); *У меня есть улыбка одна* (608); *Широк и желт вечерний свет* (608)
- С. А. ЕСЕНИН (Сергей Александрович Есенин): *Край любимый! Сердцу снятся* (609); *Гой ты, Русь, моя родная* (609 – 610); *Топи да болота* (610); *О, Матерь Божья* (610); *Душа грустит о небесах* (610)
- В. В. МАЯКОВСКИЙ (Владимир Владимирович Маяковский): *Прозаседавшиеся* (611 – 612); *Солнце* (612 – 613)
- М. А. ШОЛОХОВ (Михаил Александрович Шолохов): *Из Тихий Дон – Ч. I, гл. I. Мелеховская семья* (614 – 617)
- БЕЛЕЖКИ [ПРИМЕЧАНИЯ]
ИМЕНЕН ПОКАЗАЛЕЦ [УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН]
ОБРАЗИ [ПОРТРЕТЫ]
СЪДЪРЖАНИЕ [СОДЕРЖАНИЕ]

Подготовка текста и редакция
Галина Петкова

¹ По первому мужу – Г. П.